

Каринэ ХОДИКЯН

ДЕНЬ ВСЕ ЕЩЕ ДЛИТСЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Фрида.

Диего.

Хозяйка кафе, она же Кристина.

На сцене бар с выпивкой, рюмками. Раздается мексиканская баллада. Из-за кулис доносится скрип открывающейся двери и музыкальная трель.

Входит Хозяйка кафе (далее Хозяйка). В руках у нее сверток, обернутый толстой бумагой, с виду тяжелый. Она прислоняет сверток к бару, оглядывается, поправляет стулья, скатерть. Наливает текилу, пьет, кладет в рот лимонную дольку и подходит развернуть сверток. Слышится протяжный звук открывающейся двери.

ХОЗЯЙКА *(не меняя позы, но и не разворачивая сверток, дражливо)*. Закрыто!

ФРИДА *(голос из-за кулис)*. Закрыта, ты? с каких это пор ты стала недоступна?

ХОЗЯЙКА *(поднимается с места, не оборачиваясь к двери)*. Кого это заинтересовала моя недоступность?

ФРИДА. Меня.

ХОЗЯЙКА. Ну да, кого же еще?.. *(Оборачивается в сторону кулис.)* Закрой дверь! *(Пресекая ответ Фриды.)* Снаружи!

ФРИДА *(проходя вперед. На ней черное длинное пальто, яркий платок на голове)*. А кто же будет пить текилу? *(Взглядом показывает на пустую рюмку.)* Уже выпиваешь в одиночестве? До чего же ты докатилась?

ХОЗЯЙКА *(с уничижающим взглядом)*. Я, кажется, сказала, кафе закрыто. Тем более для тебя.

ФРИДА *(безобидно)*. Ну, ты и сучка. Ладно, ладно, ты же знаешь, я люблю это слово к месту вставить. Тем более, в твой адрес. *(Подходит, двусмысленно гладит ее по щеке.)* Тебе действительно не хочется со мной выпить?

ХОЗЯЙКА. Ну, как же, только об этом и мечтаю.

ФРИДА. Зачем ты так?..

ХОЗЯЙКА. Да разве с тобой выпьешь? Не хватит, что тебя после второй рюмки развозит, так еще заставляешь выслушивать свои дурацкие байки, по тысячу раз.

ФРИДА. Я же говорю — сучка ты. *(Сухо.)* Спокойно!.. Куда подевались твои посетители?

ХОЗЯЙКА. Тебе то что?

ФРИДА. Разбежались. Кто же выдержит твоё ворчание? Кроме меня, конечно...

Послушай, может, у тебя дела идут плохо?

ХОЗЯЙКА. Не дождешься!

ФРИДА. А может, засвидетельствован случай массового отравления твоими напитками?

ХОЗЯЙКА. За клевету ответишь...

ФРИДА (*принюхиваясь к бутылке*). Эта, вроде бы, нормальная. Что, для особых случаев припасена?

Хозяйка демонстративно вытирает бокал.

А вдруг окажется, что ты её для меня приберегла, а?.. (*Тщётно пытаюсь скрыть волнение.*) Ну, ладно, трудно, что ли, признаться, что меня ждала?

ХОЗЯЙКА (*кажется, хочет возразить, но в последний момент, передумав, наливает текилу в начищенную рюмку*). Хватит уже трепаться. На, промочи горло.

ФРИДА (*довольная*). О, вот это другой разговор. (*Пьёт. С удовольствием причмокивает.*) Держишь марку... (*С безразличным видом обращается к Хозяйке.*) Ну?..

ХОЗЯЙКА (*снова наливает ей, норовя съязвить*). И это всё, что тебе надо? Как легко от тебя отделаться...

Фрида пьёт с закрытыми глазами. Слышится баллада.

Обе отрешенно слушают.

ФРИДА (*как только баллада стихла*). Что слышно в городе?

ХОЗЯЙКА. Рожденные — умерли, поженившиеся — развелись, верные — предали, безвинные — осуждены. Но уехавшие — вернулись.

ФРИДА. Ну а в городе что слышно?

ХОЗЯЙКА. Зима стала длиннее, весна запоздает, вместо дождей будет засуха.

ФРИДА. Стоило мне отлучиться, как ты философом заделалась, а в городе так ничего и не изменилось.

ХОЗЯЙКА (*злорадно*). Да, вывески по-прежнему нет! Ты на это намекаешь?..

ФРИДА (*стараясь казаться безразличной*). Вывеска — это же такой пустяк...

ХОЗЯЙКА (*с явной издевкой*). Эту никчемную вывеску некому прикрепить! Тебя устраивает такое объяснение?

ФРИДА (*равнодушно*). Меня вообще никакие объяснения не удовлетворяют. А твои — особенно.

ХОЗЯЙКА. А сейчас ты будешь удовлетворена...

ФРИДА. А сейчас ты скажешь какую-нибудь гадость...

ХОЗЯЙКА. И скажу! (*Драчливо, на одном дыхании.*) Делать нам больше нечего, как заниматься всякой ерундой, то бишь, всякими вывесками!

ФРИДА (*словно не расслышав*). А как же городские власти? Они ведь приняли решение. Почему не выполняют?

ХОЗЯЙКА. А зачем, по-твоему, я здесь торчу?

ФРИДА. По-моему, для удовлетворения низменных человеческих инстинктов.

ХОЗЯЙКА. Ты прекрасно знаешь, что пока я есть и пока я здесь, не позволю, чтоб твои байки оказались на вывеске и вводили город в заблуждение.

ФРИДА. Какая же из моих баек лживая?

ХОЗЯЙКА. А все! Да хотя бы год твоего рождения. Родилась в седьмом году, а написала, что в десятом. Как же так? Тебя понять можно: какой женщине не хотелось бы скинуть годика три...

ФРИДА. Ты действительно считаешь, что это мой каприз?

ХОЗЯЙКА. Да, именно поэтому. Да ты прямо сейчас сочинишь что-нибудь — для тебя это раз плюнуть, не впервой же.

ФРИДА. А знаешь, почему у тебя жизнь не удалась? Из-за недостатка воображения. Точнее — из-за полного отсутствия фантазии. Ну же, хоть разок напряги мозги: да разве могла я родиться в обычном, ничем не примечательном году? Конечно, нет. А разве я виновата, что только спустя три года после моего рождения грянула революция? Та самая революция, в которую я поверила, за которую боролась, посвятила часть своей жизни? Так что я обязана была родиться в год революции. И родилась! Я сделала это, хотя и на бумаге. А ты на такое не только не способна, но даже не в состоянии понять столь простую вещь.

ХОЗЯЙКА. Ну, как же! Да ты всегда себя переоценивала.

ФРИДА. Дура! Я заранее и цену себе знала, и кто я есть. (*Намереваясь ее поддеть, но с напускной доброжелательностью.*) Кстати, как поживает твой муженек? Хотя можешь и не отвечать. Наверное, преспокойно счета проверяет. Сколько тебе было лет, когда ты заарканила эту канцелярскую крысу?

ХОЗЯЙКА. К чему ты клонишь?

ФРИДА. Тебе было двадцать пять, и подцепила ты то ли бухгалтера, то ли счетовода — я так и не разобрала, какая между ними разница? Я же еще до того, как подделать дату своего рождения, знала, что замуж выйду только за гения. Да еще с мировым именем. И гения своего я заполучила в двадцать два года. Надеюсь, усекла разницу?

ХОЗЯЙКА (*с не меньшей язвительностью*). А мы зато живы-здоровы, и бизнес наш процветает, и дети наши, слава богу, счастливы. Ну что, разницу усекла? (*Заметив, что*

Фрида сникла, с искренним сожалением.) Насчет детей... ты это... прости, я погорячилась...

ФРИДА (с пренебрежением). Да кто ты такая, чтоб меня оскорблять!

ХОЗЯЙКА (сразу вспыхнув). Ну, конечно, мой — крыса. А твой гений — племенной бык, после тебя снова женился, не прошло и года.

ФРИДА (утратив самообладание). Неееее-ет!..

Схватившись за голову, застывает на месте.

Затемнение.

Вновь зажигается свет.

Фрида направляется к Хозяйке, медленно расстегивая пуговицы пальто.

(Чеканя каждое слово.) Я была самым главным фактом его жизни. Он сам так говорил. Он восхищался мной, он был без ума от моих картин. Я была его любовью, его возлюбленной, женой... Я была его музой, а он вдохновлял меня. Каждый раз я занималась с ним любовью, как в последний раз. Я завоевывала, отдаваясь ему...

ХОЗЯЙКА (с расстановкой). Кто бы сомневался: двое безумцев, рожденных друг для друга. У вас же была великая любовь двадцатого века. Сами об этом разрезвонили, сами в это верили... и уверяли других. *(Уловив пренебрежительную улыбку Фриды.)*

Хватит уже, прекрати играть хотя бы теперь. Твой гений был вдвое старше тебя, толстый обжора, самовлюбленный эгоист... Ты же сама называла его «лягушонком» – и никакое это не ласковое слово, даже если ты добавляла «мой милый... лягушонок».

(Возмутившись молчанием Фриды.) Почему, собственно, не поговорить и о прочем?! Он был многократно женат, наплодил детей, а любовницам он и сам счет потерял, трахался, с кем попало, а потом...

ФРИДА. Он со мной не трахался, он любил меня! Любил так, что твоей крысе и не снилось.

ХОЗЯЙКА. Любил? Насчет любви не знаю, а художник он был гениальный, бесспорно. *(С язвительным намеком.)* А самое главное — у него были деньги.

ФРИДА (с безразличием, даже снисходительно). Сучка, я понимаю, на что ты намекаешь.

ХОЗЯЙКА. Вовсе не намекаю, а ясно говорю: ваш брак был по расчету. Во всяком случае, для твоих родителей. Ну не я же после твоего замужества выкупила ваш заложенный дом, чтоб твои родители смогли умереть под родным кровом. Не я, а твой гений заплатил взамен на твое лакомое молодое тело. А в женском теле он знал толк и, хотя был тот еще тертый калач, а все равно потерял голову, угодил в твои сети.

ФРИДА. Ну, теперь тебе придется расхваливать меня, даже если твой язычок не захочет шевелиться в зловонном рту.

ХОЗЯЙКА. Довожу до сведения некоторых: у меня нет гнилых зубов. А что касается похвалы... Я с самого начала знала, что как художник ты лучше него.

ФРИДА. Ну, наконец-то! Ты сказала правду, и язык у тебя не отсох.

ХОЗЯЙКА. Ну и что! Диего тоже сразу это понял. И обо всем прочем тоже понял. *(С искренним восхищением.)* А какая ты была милашка! Маленькая такая, очень пылкая, и в глазах огонек. Этакая чертовка, которая здорово рисует, и будет еще рисовать, да так, что всемогущий Диего превратит ее жизнь сразу и в ад, и в рай.

ФРИДА. Ты во всем впадаешь в крайности, даже в похвалах.

ХОЗЯЙКА *(не обращая на нее внимания, продолжает с тем же воодушевлением)*.

Может быть, Господь вас обоих одарил одинаковым талантом, однако он был баловнем судьбы, но ты...

ФРИДА *(упрямо)*. Меня тоже судьба не обделила.

ХОЗЯЙКА. Знаешь, что мне в тебе больше всего нравится? Чувство юмора. Не будь твоего юмора, ты бы долго не протянула, не говоря уже о картинах... *(Смешавшись, пытается сменить тему разговора.)* А где же рюмки?.. Да вот они, у меня под носом... *(Наполняет рюмки.)* Давай хлопнем еще по одной?

ФРИДА *(с понимающей, снисходительной улыбкой)*. Я нарисую пухленький, но очень колючий кактус, а под ним напишу твое имя...

ХОЗЯЙКА. Ты только обещаешь. А сама перед зеркалом малюешь только свою мордашку... ну и иногда своего гения. Паритет соблюдаешь...

ФРИДА. Что-то я не пойму: ты что, за ум взялась или наконец-то научилась говорить то, что думаешь?

ХОЗЯЙКА *(словно не расслышав)*. Но я не теряю надежды, глядишь — и нарисуешь кактус. Пусть даже самый колючий. Ну, будь здорова! *(Пьют. После паузы.)* Недавно открылась твоя выставка. Спустя двадцать три года после твоей смерти. На высоких громадных стенах развесили твои фотографии — представили историю твоей покалеченной жизни после автокатастрофы. А под ними твои полотна... ты лучше меня знаешь их размеры, они рядом с огромными фото выглядели миниатюрами. Люди подходили поближе, чтобы лучше разглядеть и... были заморожены. Их притягивали твои чертовские чары.

ФРИДА. Неужели и ты там была?

ХОЗЯЙКА. Еще чего, делать мне больше нечего... Но я поняла одно: в твоих картинах я увидела боль, которую ты возвеличила, возвела до искусства. (*Подходит и неожиданно ласково обнимает.*) Ну, как ты, хромоножка?

Затемнение.

Фрида вступает на авансцену.

Первый монолог Фриды

БОЛЬ

Если б я не села в тот автобус... Когда после удара я пришла в себя, то, прежде всего, подумала об игрушке, которую крепко сжимала в руке. Я понятия не имела, что произошло, что со мной будет. Мое тело уложили на бильярдный стол, а в теле был металлический шест, который раздробил позвоночник и проник в тазобедренную кость, задел ногу. У одного из пассажиров разорвался пакет с краской, и золотистая пыль посыпалась на мое окровавленное тело. Великолепная картина — просто подмывает взяться за кисть: золото и кровь на обнаженном теле восемнадцатилетней девушки, а в теле торчит металлический шест. Зрелище, действительно, достойное кисти художника, но я так и не сумела нарисовать.

А потом — гипс и неподвижность, несколько операций и нескончаемая боль, боль, боль... По ночам у моей постели начиналась пляска смерти. Она то приближалась ко мне, то куда-то удалялась, затем снова подступала и снова исчезала... Это продолжалось до тех пор, пока я не свыклась с ее присутствием. Только тогда смерть, наконец, ушла, оставив после себя боль.

Хозяйка тем временем забинтовывает Фриду поверх пальто.

Стоять, ходить, бегать — все это было для меня на грани бредовой фантазии. Для меня, которая на одном дыхании взбегала по лестнице, могла на ходу сесть в транспорт, и самозабвенно, страстно танцевать, как умеет танцевать мексиканка.

Под зажигательную мелодию она, точно марионетка, пытается танцевать. Но, отчаявшись, застывает на месте. Смолкает музыка.

Я вся была скована гипсом, я была на краю смерти, а мне так хотелось любить... Тело изнывало от вожделения... И те ночные часы дали меня понять, что самые страстные желания пробуждают близость смерти, и я зареклась: если выздоровею, то сполна наслажусь любовью и жизнью. Тогда-то я впервые всерьез задумалась писать картины.

Другого выхода у меня не было. А с болью своей заключила сделку: во время работы она немного уймется, а взамен начнет меня терзать уже попозже.

Я еще не знала, что вся моя последующая жизнь будет продолжением того проклятого дня — семнадцатого сентября. Но знала, что не смогу отделаться от боли. И одолею ее благодаря живописи.

Конец монолога

ФРИДА (*возвращаясь к Хозяйке*). Так что это еще вопрос, кто есть баловень судьбы. Как знать, если б не боль, появились бы мои картины?

ХОЗЯЙКА. Вот сейчас ты действительно искренна. Ведь ты всех и вся использовала для своей живописи. Использовала хладнокровно, расчетливо, но и... страстно, самозабвенно. А так как ты не знала границ, то зачастую ты не различала и путала, не знала, ты ли всех используешь или все используют тебя...

ФРИДА. Наконец-то ты сказала что-то вразумительное: кто использует сам, того используют вдвойне. (*Будто только сейчас заметила на себе повязки. Нервно.*) И когда ты меня перевязала? Развяжи!.. Ведь сцена монолога закончена, исповедь моя тоже.

ХОЗЯЙКА. Ну, если ты считаешь, что исповедовалась...

ФРИДА. Ну почему же? Неплохо получилось. Будто все с себя скинула. Что ты мешкаешь, развяжи меня! И как ты умудрилась в темноте так меня обмотать? Ты добилась-таки своего — заставила вспомнить прошлое. (*Освободившись, наконец, от бинтов, с удовольствием подтягивается.*) Хорошо-то как! Как тогда, когда я снова почувствовала радость просто ходить, просто жить. (*Как бы между прочим, но явно чувствуется, что она уязвлена.*) Ну... а металлический шест поставил крест на моей первой любви.

ХОЗЯЙКА. Да, помню, что только ты не вытворяла с Алехандро... Кстати, история о твоей девственности... (*Многозначительно.*) До шеста, вроде, побывал Алехандро?

ФРИДА. Я же говорю — сучка. (*С неожиданной злостью.*) Не смей совать свой нос в мои истории! (*И тут же перешла на прежний тон.*) Родители «сослали» его в Европу. Они прекрасно знали, что величайший враг любви — это разлука. (*Сменив тон.*) Ты правильно делаешь, что не позволяешь своей крысе шагу ступить от твоего подола.

ХОЗЯЙКА. Поплачь лучше над своими печальями.

ФРИДА. И поплачу. Восемнадцатилетняя девушка, калека, без образования, без любовника... Не так уж и плохо, знаешь?

ХОЗЯЙКА. И ты попыталась встать на ноги, волоча покалеченную ногу.

ФРИДА. Да потому что молодая была... Себя сковывала корсетом и танцевала, танцевала... волоча ногу...

Фрида отбрасывает пальто и платок. На ней яркий мексиканский наряд. Начинает танцевать. Появляется Д и е г о. Останавливается и смотрит на Фриду. Хозяйка хочет подойти к нему, но не поздороваться. Диего взглядом и жестом останавливает ее. Хозяйка от бессильной злобы кусает губы. Сделав очередной круг, Фрида оказывается в объятиях Диего.

Пауза.

После горячего поцелуя, Фрида резко отталкивает Диего.

ДИЕГО (*с подчеркнuto донжуанскими замашками*). «Мужчины дикари по натуре. Они и сегодня дикари. История показывает, что прогрессом двигают женщины. Мужчины предпочитают остаться тупицами, которые сражаются и охотятся. Женщины создавая дом, культивировали искусство...».

ХОЗЯЙКА (*прерывая его, с ехидством обращается к Фриде*). Очарованные вот такими вот словами, женщины выстраивались в очередь к пьедесталу натурщицы, а затем — к его постели.

ФРИДА (*цинично*). Или наоборот: сначала в очередь к его постели, а потом уже к пьедесталу натурщицы.

ДИЕГО (*Фриде*). Но только не в твоём случае.

ХОЗЯЙКА. Она не чета твоим девкам. Она пришла к Учителю... Маэстро. Пришла за советом. Правда, заодно и голову тебе вскружила, ну и что? (*Злорадно.*) Вчерашняя девчонка здорово взяла тебя в оборот...

ДИЕГО (*добродушно*). Ну, ты и сучка... Спокойно!.. (*Указывая на Фриду.*) Я повторяю её любимое слово. А характер у тебя все тот же.

ХОЗЯЙКА. Да потому, что я вашу мужскую породу хорошо знаю. И тебя как облупленного знаю. Но если ты сейчас в аду... А кстати, ты ведь не в аду?..

ДИЕГО. Смотри, что ты понимаешь под адом.

ХОЗЯЙКА. Ты все тот же вун. Короче, где бы ты ни был, этим местом ты обязан...

ДИЕГО (*словно испугавшись, пресекает её*). Только не говори, что обязан Фриде.

ХОЗЯЙКА. Неужели я такая дура?.. Обязан самому себе, за то, что был для моей хромоножки тем, кем был.

Диалог Фриды и Диего

ФРИДА. В жизни я пережила два тяжелых несчастных случая. Сначала я попала под автобус, а потом — под Диего!

ДИЕГО. В жизни моим самым главным фактом была Фрида.

ХОЗЯЙКА (*в зал*). Фрида обращалась с ним, как с любимой собачкой. Диего с ней, – как с любимой вещью.

ДИЕГО. Когда я любил женщину, то чем сильнее любил, тем больше мне хотелось ее мучить. Явной жертвой этой мерзкой черты моего характера была Фрида.

ФРИДА. Диего — начало.

Диего — создатель.

Диего — мой ребенок.

Диего — мой любовник.

Диего — живописец.

Диего — мой желанный.

Диего — мой муж.

Диего — мой друг.

Диего — моя мать.

Диего — я.

Почему я называю его мой Диего? Ты никогда не был и никогда не будешь моим. Ты принадлежишь самому себе.

ДИЕГО (*из внутреннего кармана достает помятый конверт, достает письмо и читает*). «Без тебя здесь очень грустно. Я, как и ты, не могу даже спать... Не знаю, что делать, когда не могу видеть тебя. Я был уверен, что не любил ни одной женщины так, как люблю *chiquita* – малышку, но только теперь, когда она покинула меня, я понял, насколько сильно я ее люблю. Она уже знает, что она больше, чем моя жизнь, тепеть я знаю, что без тебя эта жизнь значит для меня не больше, чем приблизительно два орешка».

Конец диалога Фриды и Диего.

ХОЗЯЙКА (*с издевкой*). Ах, я сейчас заплачу, разрыдаюсь, захлебнусь в слезах... И как вы ладно говорите, так душещипательно — заслушаешься. Вот так вы и придумали свою любовную сказку. А это была не любовь.

ФРИДА. Смотри, какая уверенность.

ДИЕГО. Может, скажешь, наконец, что же это было?

ХОЗЯЙКА. Единоборство львов. И оба знают: напротив него — лев. Достойный только его.

ДИЕГО (*к Фриде, указывая на Хозяйку*). Забывает, что перед ней больная калека, несчастная самка, жаждущая любви.

ФРИДА (*к Диего, указывая на Хозяйку*). Забывает, что перед ней обжора и эгоист, несчастный самец, не пропускающий ни одной юбки.

ХОЗЯЙКА. Какие вы оба молодцы. Сколько уже лет, как вас нет в живых, а вы по-прежнему в один голос плетете небылицы о своей жизни.

ФРИДА (*более внимательно всматриваясь в Хозяйку*). Послушай, кто ты?

ХОЗЯЙКА. Я хозяйка этого сомнительного заведения.

ФРИДА (*к Диего*). В самом деле?

ДИЕГО (*отводя взгляд, настороженно*). Когда я вошел, это была, вроде, она, но теперь...

ФРИДА (*достает из кармана яркий платок, своеобразно завязывает на голове Хозяйки, хотя та и противится*). Прекрати, напрасно увиливаешь...

ХОЗЯЙКА. Да что с тобой случилось, оставь меня...

ФРИДА (*повязав платок, довольная*). Ну, вот и свиделись, дорогая сестричка.

ХОЗЯЙКА. Ну что ж, раз сама напросилась... (*Перевоплощается в Кристину.*) Судя по кислому выражению твоего лица, ты рада нашей встрече, да и память тебе не изменяет.

ФРИДА (*с сомнительной нежностью*). Диего, не хочешь поздороваться с моей сестрой?..

ДИЕГО (*принимая вызов*). С удовольствием...

ФРИДА (*грубо прервав его*). Диего, дорогой, не хочешь поздороваться со своей любовницей?

КРИСТИНА (*истерично*). Опять этот кошмар?!.. Ну почему ты явилась?.. Нормальные люди умирают и всё — уходят бесследно. В лучшем случае оставляют о себе только добрую память и не отравляют здравствующим жизнь.

ДИЕГО (*меланхолично*). Ты забываешь, что имеешь дело с Фридой.

КРИСТИНА (*к Диего*). А ты и после смерти продолжаешь ею восхищаться — ее умом, талантом, даже болью. А как же моя боль?.. Кто за нее ответит?

ФРИДА (*как бы безразлично*). Кто бы говорил о боли...

ДИЕГО (*в тон ей*). Кто может осмелиться? Это ж твоя епархия...

ФРИДА (*вспыхнув*). Металлический шест, пронзив мое тело, вышел наружу. Ваш обоюдный шест до сих пор торчит в моем сердце!

КРИСТИНА (*к Фриде, указывая на Диего*). Ты его прекрасно знаешь, знаешь, какой он краснойбай, как может обольстить... Так что нечего меня обвинять.

ДИЕГО. Этого и следовало ожидать: валите с больной головы на мою здоровую.

(Садится с видом приговоренного, пьет.)

ФРИДА *(Кристине, удрученно)*. Он не может не изменять. Не может! Он раздевает женщин — снимает с них всё: и одежду, и мозги, ему нужна нагота, распластанная на полу... А ты? Как ты могла допустить, чтоб этот лягушонок завладел твоей наготой, да еще на полу? Моя любимая сестра, единственная, кому я так доверяла, которой так восхищалась... Вот только не говори, что это было сиюминутное увлечение. *(К Диего.)* И как долго продолжалось ваше?.. *(Видя, что он хочет ответить, перебивает. С нежным ехидством.)* Можешь не отвечать, дорогой. Ты можешь не отвечать на все вопросы, чьи бы то они ни были. Не забывай, что ты Диего, мой дорогой лягушонок.

КРИСТИНА. А что мне сделать, чтоб ты больше не задавала вопросов и оставила меня в покое?

ФРИДА. А с чего ты взяла, что я не даю тебе покоя? Меня нет! Не забывай! Это все твоя совесть, которая страдает от бессонницы.

Кристина обессилено опускается на пол.

Ты разбила мое сердце, но ухитрилась превратить меня из неприхотливой домохозяйки в сложную, очень сложную особу, которой уже расхотелось быть придатком знаменитого мужа. Сестричка, невинная овечка, которую соблазнил этот лягушонок, мой милый лягушонок... так вот знай, что я тебе благодарна, даже обязана тебе.

КРИСТИНА. Когда-то у тебя было такое доброе великодушное сердце.

ФРИДА. Оно по-прежнему такое же. То, что я сейчас сказала, исходило от моего великодушного сердца. Видишь ли, когда предают самые близкие люди, появляется желание стать независимой или прикинуться таковой. Непредсказуемой...

КРИСТИНА. Ну почему ты так ненавидишь меня?

ФРИДА *(опускается рядом с ней на колени)*. Посмотри на меня... Послушай, что я скажу: ты помогла мне, благодаря тебе я перестала облизывать объедки его славы. Да, к металлическому шесту прибавилось ваше предательство, но этой гремучей смесью я пропитала мои краски. Женщина потерпела фиаско, но художница одержала победу. Так что хватит протирать пол, поднимайся... И запомни: я простила тебя задолго до нашего примирения.

Помогает ей встать. Кристина, полная благодарности, собирается что-то сказать, сделав робкий жест, но Фрида сухо пресекает ее.

Однако я сомневаюсь, что с тобой он мог полностью расслабиться и кончить...

Кристина отпрянула, точно от удара.

Что скажешь, Диего, смогла она ублажить тебя, хотя бы на пару часов?

ДИЕГО. Я прямо балдею, когда вы из-за меня грызетесь.

КРИСТИНА. Вы оба чудовища... Одного поля ягодка. То-то вы двадцать пять лет друг друга изводили, поедом ели, разводились и снова сходились, но так и не смогли отделаться друг от друга. *(С упоительным ехидством.)* Дорогая моя сестричка, только не надо клясться, что при Диего ты не норовила расстегнуть ширинку чужого мужчины. ФРИДА *(будто фехтуя шпагой)*. Тушэ! Вот теперь ты мне нравишься. Продолжай в том же духе — зауважаю.

КРИСТИНА *(словно не расслышав, напустилась на них)*. Не ты ли говорил *(передразнивая)*: для меня жизнь — это заниматься любовью, принимать душ, заниматься любовью...

ДИЕГО. А что, эта последовательность не верня?

КРИСТИНА. Была бы верной, если б тебя не касалась.

ДИЕГО. Девочки, это разговор начинает мне не нравиться.

КРИСТИНА. Замолчи! Кстати, ты мог заставить замолчать меня только во время секса. Неужели забыл?

ФРИДА. Опять тушэ! Какой прогресс, сестричка!

КРИСТИНА. Иметь дело с тобой и оставаться консервативной — невозможно.

ФРИДА. А я никогда и не скрывала этого. *(К Диего.)* Лягушонок, знаю, что слова мои тебе не понравятся, но ничего не поделаешь... Единственный способ пренебречь мужчиной... Кристи, как ты сказала?.. Ах, да, это расстегнуть у него ширинку. Я достаточно многими мужчинами... пренебрегала. Но я пренебрегала любя, как бы это не показалось вам странным... Диего, ты прекрасно знаешь, кто моя любовь.

ДИЕГО. Твоя любовь — я. А любовники — другие. И мне это не по душе. То же самое, если б кто-то пользовался моей зубной щеткой.

КРИСТИНА *(кидается на него)*. Как ты смеешь?!

ДИЕГО *(словно разъясняет ребенка)*. Крошка, Фрида мне не только жена. Она не только художник. Не только революционерка. Не только сердцеедка. Не только калека. Не только авантюристка... Поэтому я и сказал ей: «Бери от жизни все, что она дает тебе, и что бы это ни было, оно должно быть интересно и доставит тебе удовольствие. Если ты, в самом деле, хочешь меня порадовать, знай: нет большего наслаждения, чем осознание, что ты довольна. Ты всего этого достойна, малышка. Я не имею ничего

против тех, кто нравится Фриде, потому что больше всего и больше всех она нравится мне».

КРИСТИНА. Не пойму: ангелы вы или черти?

ДИЕГО. Не велика разница между ними.

ФРИДА (*Кристине, изриво*). Постараюсь помочь тебе разобраться. Один из моих любовников... Ты, Диего, хорошо его знаешь. Так вот, он снял квартиру для наших тайных встреч. Даже мебель заказал — комфорта ему захотелось. Но ошибся и заказал на мое имя. Фирма и доставила мебель прямо к нам домой. Это маленькое недоразумение положило конец нашим отношениям. Оонимаешь, Кристи, молодой человек был чересчур щепетильный.

КРИСТИНА. Ты циник, счастливая сестричка.

ФРИДА. Не больше, чем другие, моя несчастная сестричка.

Обе обнимаются.

ДИЕГО (*как бы с самим собой*). Бывало, я приходил в бешенство, пару раз грозился пристрелить твоих любовников. Да, я ревновал к мужчинам, но... был очень равнодушен к женщинам... в твоей постели. Я думал, что это поможет твоему творчеству, у тебя лучше получатся картины.

ФРИДА (*нежно ласкает сестру, заботливо поправляет платок на ее голове, но не спускает взгляда с Диего*). Да, ты внушал мне, что важно совмещать искусство и жизнь. Ты показывал это на собственном примере, убивая мою душу, унижая мою гордость... Внушал свою правоту и тем самым помогал мне рисовать. После твоей очередной «помощи» я стригла волосы и принималась писать автопортрет. Хорошая получалась работа: обожаемые тобой черные локоны, разбросанные по полу...

ДИЕГО. А что я, собственно, такого сделал... всего какие-то пустяковые царапины, да и то на душе у тебя.

ФРИДА. Это тебе так хотелось бы — чтоб на душе. Но твои царапины я переносила на холст — тебе в отместку.

ДИЕГО (*лениво*). А я от этого еще больше воодушевлялся, думал, как бы еще тебя унижить, чтоб ты хорошо писала...

КРИСТИНА (*вырвавшись из объятий Фриды*). Чудовища! Оба вы — чудовища!.. У вас одна общая болезнь. А болезнь эта — ваше чертово искусство! (*Отбрасывает платок и преображается в Хозяйку*.) Какой кошмар! Уф! Без текилы мне не оклиматься.

(*Наполняет рюмки*.) Надеюсь, не откажетесь?

ФРИДА. Я — нет. Текила притупляет телесную боль, душевные муки, однако просветляет память. После первого выкидыша, в больнице, я потребовала медицинские справочники.

ДИЕГО. А они, идиоты, не давали, не понимали, зачем тебе.

ФРИДА. Они были мне очень нужны... Я рисовала мой мертвый плод, кровоточащую матку, распятую душу, и в те дни меня просто преследовал запах спирта...

(Раскачивается, выглядит жалкой впервые за все время.)

Диего и Хозяйка поспешно подходят к ней, заботливо усаживают. Фрида отталкивает обоих, встает и направляется к авансцене.

Второй монолог Фриды

ЖИЗНЬ

ФРИДА. Я убила трех человек — трех моих детей. Я хотела иметь трех маленьких крикливых диего. Когда твой мужчина удобно устраивается в тебе, то появляется место и для его семени. Я делала вид, что забыла о металлическом шесте. Оказалось, что он-то основательно обосновался в моем теле.

Итак, к моей боли (эх, ты, дурацкий шест) и к моему оскорблению (ау, сестричка!) прибавилась горечь (воистину неисповедимы пути Господни). После всего этого надо было жить. Очень хотелось жить... А чтоб жить, я должна была рисовать.

С того момента, как я поняла себя, и до последнего дня я познавала себя, Мексику и Диего. Поэтому и ни разу не изображала себя улыбающейся, поэтому и Мексика всегда фигурирует в моих картинах, поэтому, если Диего и нет на холсте, то все равно ощущается его присутствие или, в крайнем случае, моя любовь к нему, граничащая с ненавистью. Да, после всего этого я продолжала жить, к тому же была еще и жизнерадостной, шутила, веселилась. Потому что изначально я сумела так себя поставить, что когда друзья и знакомые приходили меня утешить, то сами уходили со спокойной душой. Если приходили позаботиться, поухаживать за мной, то сами забывали о собственных болячках. Самое главное, что, посетив меня, они проникались еще большей надеждой. И это естественно: сравнивая себя со мной, они как минимум считали себя любимцами Господа, чувствовали себя счастливыми, глядя на меня и на то, как я воюю с отчаянием. А я не верила в выздоровление, у меня не было причин надеяться, я не нуждалась в утешении. Господь наделил меня только радостью писать картины... или чем-то еще, о чем я до сих пор так и не узнала.

Конец второго монолога Фриды.

ДИЕГО. В этом-то твоя сила, я имею в виду сублимацию. У тебя она чертовски хорошо получалась! Поэтому когда мы собрались, наконец, развестись, я даже оправдывался тем, что в одиночестве ты будешь лучше работать.

ХОЗЯЙКА. Нашел, как оправдываться!.. Сублиматор.

ДИЕГО. Не пойму, почему ты злишься?

ХОЗЯЙКА. Ты ее бросил одну.

ДИЕГО. Она надоела. Или, может, я от нее устал. Не знаю, называй это как хочешь. Но я никогда не был верным мужем, даже с Фридой...

Подходит к Фриде.

Я причинил тебе столько страданий. Не сосчитать... Но я тебя слишком любил и доставлял новые страдания. И чтоб ты от всего освободилась, я решил уйти.

ФРИДА. Я в это время лечилась... в очередной раз... Я очень спокойно ответила, что готова все вынести, только бы не потерять тебя.

ДИЕГО. Тогда исполнилось десять лет нашему супружеству. Мы еще любили друг друга.

(Постепенно отдаляется от Фриды и так воодушевляется, что забывает о ее присутствии.) Я всего лишь хотел свободы с любой понравившейся мне женщиной.

Фрида не противилась моим изменам. Но не могла никак понять, почему я выбираю недостойных себя или же тех, кто ничем не лучше нее. Она это воспринимала, как личное оскорбление. *(Воодушевившись еще сильнее.)* А если б она и дальше докучала мне, разве не ограничила бы тем самым мою свободу? А что если я ненасытная жертва собственных необузданных страстей? Разве не было утешительной ложью думать, что развод положит конец страданиям Фриды? А может, наоборот — приумножит их? *(С пафосом.)* Во всяком случае, за два года жизни врозь она создала некоторые из лучших своих произведений, сублимируя страдания живописью.

Обе женщины с напускной демонстративностью аплодируют.

ХОЗЯЙКА *(Фриде)*. И ты его любила?

ФРИДА. Я никого, кроме него, не могла любить. Так любить!

ХОЗЯЙКА *(Диего)*. После нее ты и год не провел в трауре, взял и женился.

ДИЕГО. Что же ты не все договариваешь?.. После нее я начал стареть.

ФРИДА. Хоть убейте, а я не представляю мою лягушонку состарившийся.

ХОЗЯЙКА *(вздыхнув)*. Ничего не понимаю.

ДИЕГО. Ты имеешь в виду нашу разлуку?

ФРИДА. Наше соединение.

ХОЗЯЙКА. (*Фриде*). Именно! Ты уже стала самостоятельной, достигла того, о чем мы, обычные женщины, только можем мечтать. Жила, как хотела, в открытую, не таясь. Ты была той бабочкой, которая сбросила с себя кокон. Что ты усмехаешься? Я просто хочу сказать, что ты говорила людям в лицо о надуманных условностях, о фальшивых играх. Ты была свободным человеком, понимаешь?.. Ты сумела заставить, чтоб эти высокомерные самцы, от Пикассо до обнаглевших журналюг, признали твое первенство. Когда ты рассталась с Диего, у нас появился лучик надежды, что можно все их племя изничтожить, покинуть, предать. А что сделала ты после всего?.. Не прошло и двух лет, как ты, смирившаяся, еще как смирившаяся, вернулась в его объятия, чтобы имярек для истории написал: «Когда пламя негодования погасло в ней, она поняла, что любит Диего, и он значит для нее гораздо больше того, что встало между ними».

ФРИДА (*с самоиронией*). Выходит, для таких, как ты, я служила примером... (*Глухо смеется, затем вполголоса, чтоб Диего не услышал.*) Когда же такие, как ты, поймут, что если их племя не победит нас умом и силой, то наверняка победит и уже победило сучьим блядством. (*Громко, с язвительной четкостью обращаясь к Диего.*) Но и я не осталась в долгу и написала для нашей истории (*с ехидным умилением*): «Теперь я знаю, все эти письма, связи с барышнями, учительницами «английского», натурщицами, цыганками, ассистентками «с благими намерениями», «полномочными представительницами от отдаленных мест» — всего лишь флирт, а в глубине ты и я любим друг друга и так проходим сквозь приключения, хлопанье дверьми, проклятия, оскорбления, жалобы – и все же мы будем любить друг друга. Хотя я и озлобилась, но поняла, что люблю тебя больше, чем собственную шкуру. Да, может быть, ты не так любишь меня, все-таки ты же меня как-то любишь. Разве это не так..? Я всегда буду надеяться, что так и будет продолжаться, и я с этим согласна.

Диего и Хозяйка с напускной демонстративностью аплодируют.

ХОЗЯЙКА. И как ты мог ее терпеть?..

ДИЕГО. Я никого, кроме нее, не мог терпеть. Так терпеть!

Третий монолог Фриды.

СМЕРТЬ

ФРИДА. Смерти было подобно, когда я просила Алехандро остаться со мной, а он сбегал, напуганный моим неподвижным телом, жаждущим любви.

Смерти было подобно, когда я прятала покалеченную ногу под брюками или в складках длинного платья, выдавая это за оригинальный стиль. *(С явной гордостью.)* И, черт побери, мне это удавалось.

Смерти было подобно, когда, лежа под Диего, я улавливала на его коже запах незнакомой самки.

Смерти было подобно, когда я ласкала чужих детей, а грудь мою разрывали рыдания.

Смерти было подобно, когда тело враждовало с разумом, и их временным миротворцем была воля.

Смерти было подобно, когда тебя расчленили, и дальше ты должна прожить униженной и обделенной.

Смерти было подобно, когда страшишься бесконечной ночи, а Диего, бросив тебя одну, страстно стонет на очередной девке.

Смерти было подобно, когда пытаешься полюбить очередного мужчину и знаешь наверняка, что закончится это ненавистью или отвращением. *(С явной гордостью.)* Это не касается Диего.

Смерти было подобно, когда я перед людьми не должна была выдать своего отчаяния, страха, боли... а еще и отвращения к ним... *(Подчеркнуто.)* Лучше сказать отвращение, чем зависть.

Смерти было подобно, когда мечтаешь о смерти и безумно хочешь жить, даже если тело твое никому не желанно. *(С явной гордостью.)* Да еще тело, которое вызывает жалость.

Смерти было подобно, когда неустанно рисуешь, чтобы хоть так отомстить жизни.

Смерти было подобно, когда знаешь, что именно благодаря этой своей адской жизни и пишешь картины.

Так что после всего этого не велика беда — умереть.

Конец третьего монолога Фриды.

Фрида подходит к Диего и Хозяйке.

Они продолжают беседовать, будто не замечают Фриду.

ДИЕГО. ...типичный пример нарциссизма: автопортрет был ее конек. Из двух полотен одно — обязательно автопортрет.

ХОЗЯЙКА. Хватит трепаться! Перед ее автопортретами мне молиться хочется... Я недавно за собой такое заметила.

ДИЕГО. А как она обожала фотографироваться! С ума сходила. Может, тебе и перед ее фото хочется молиться?

ХОЗЯЙКА. Нет, плакать хочется: на фотографиях она такая самоуверенная, сильная...
Еще немного и убедит, что она и уверенная, и сильная...

ДИЕГО. Вот и представь мою жизнь, зажатую между этими портретами и фотографиями,
а передо мной – оригинал.

ХОЗЯЙКА. Да, один ты мог выдержать... если, конечно, выдержал.

ДИЕГО. Не выдержал, поэтому и причинял ей страдания... как изводил...

ХОЗЯЙКА. Ни черта не понимаю...

ФРИДА (*Хозяйке, приближаясь*). Тогда с какой стати ты сюда пожаловала? Тебе до
лампочки твой дом, дети, наконец, твоя канцелярская крыса, ты готова пропадать в
этом захудалом погребке, потому что прекрасно знаешь, что я приду сюда...

ДИЕГО. Мы придем сюда.

ФРИДА. И все эти слова свои прибереги для истории, особенно о молитве перед моим
автопортретом. (*Другим тоном.*) Наша жизнь достойна была нас обоих... и со временем
все больше уподоблялась нам.

ДИЕГО (*Хозяйке дружелюбно, показывая на Фриду*). Такой фокус могла выкинуть только
она.

ФРИДА (*с пренебрежением и болью*). А у меня и не было другого выхода. Мы перешли
все дозволенные границы, изменяли друг другу без зазрения совести... Наша борьба
между мужчиной и женщиной потерпела фиаско; в подобных случаях другие разводятся
раз и навсегда. Но только не мы. Да, мужчина и женщина в нас исчерпали себя. Но как
художники... мы стали сиаемскими близнецами: уход одного привел бы к смерти другого.
У этого безумия был один выход, только так мы могли жить рядом, пытаться спокойно
состариться, утихомирить душу и...

ХОЗЯЙКА (*вспыльчиво*). Прекрати сейчас же свое воркование! Какую еще чертовщину
ты придумала?

ДИЕГО (*будто шепча ей на ухо*). Она потребовала, чтоб после воссоединения мы не
спали вместе, не любили друг друга, не занимались сексом, вместе не...

ХОЗЯЙКА. Хватит!..

ДИЕГО. И представляешь, она сдержала слово. Я`1 только сейчас понял, почему.
Именно таким образом она могла удержать меня рядом с собой.

ХОЗЯЙКА. Ты бы хоть раз ее пощадил...

ФРИДА (*Хозяйке*). Я не нуждаюсь в твоей защите.

ДИЕГО. Она ни в чьей защите не нуждается.

ФРИДА. Да, дорогой, потому что мы с тобой блестяще сыграли комедию «С тобой не
могу, а без тебя тем более»...

ДИЕГО. Трагедию.

ДИЕГО И ФРИДА (*от души смеясь, дружно*). Трагикомедию!..

Диего и Фрида подходят друг к другу и обнимаются.

ХОЗЯЙКА. Я же говорю — ни черта не понимаю.

ФРИДА (*в объятиях Диего, Хозяйке*). Это еще что! Мой лягушонок, не прошло и года, женился на одной... Но его последним желанием было кремироваться, чтобы его прах смешался бы с моим.

ДИЕГО (*в объятиях Фриды, Хозяйке*). Однако мой прах предали земле в Ротонде знаменитых людей. Эта была величайшая подлость по отношению ко мне.

ФРИДА. Никогда не сомневалась, что ты гениальный художник.

ДИЕГО. Я всегда знал, что как художник ты лучше меня.

ФРИДА. Ах, ты мой лягушонок, мой зеленоглазый великан.

ДИЕГО. Дитя моих очей, жизнь моей жизни.

Начинают танцевать. Медленно движутся к кулисам.

ХОЗЯЙКА. Погодите! (*Разворачивает сверток, это вывеска. На ней написано: «В этом доме в 1929—1954 гг. жили Фрида и Диего».*) Фрида, в полдень я закреплю вывеску на стене твоего дома-музея. И хотя вы оба жили в этом доме очень мало, не говорю уж, как жили, люди прочитают надпись и поверят в сочиненную вами сказку.

ФРИДА. Сучка, ты что же, думаешь, вот так вот расправилась со мной?

ДИЕГО. С тобой даже я не смог расправиться.

ФРИДА. Но признайся, что мы оба друг друга достойны.

ДИЕГО. И хороший разыграли спектакль перед их уставшим, ничего не повидавшим и ничего не понявшим мирком. (*Смеются, как два очень родных человека.*)

ФРИДА (*Хозяйке*). Сказка предназначена здравствующим.

ДИЕГО. А у нас была жизнь.

Хозяйка резко подходит к ним, но не решается к ним притронуться.

На расстоянии прощальным жестом ласкает их лица.

ФРИДА (*ничего больше не видит, кроме Диего*). Пойдем, лягушонок... Как я соскучилась по запаху твоего тела.

ДИЕГО (*ничего больше не видит, кроме Фриды*). Я и сейчас не могу представить, что случилось бы с нами, если б мы не встретились...

ФРИДА. Пойдем к нам домой... Я накрою стол, будет много-много сочных, разноцветных фруктов... Я приготовлю твои любимые блюда, и буду смотреть, как ты их лопаешь...

ДИЕГО. Потом покурим, выпьем кофе, и будем любоваться восходом солнца, а ты, как всегда, будешь сидеть на моих коленях...

ХОЗЯЙКА (*с беспомощной болью*). Вон, пошли вон отсюда! И не ждите, что я еще приду в этот вонючий погребок и буду вас ждать, потому что любовь более обременительна, чем ненависть.

Фрида и Диего в медленном танце удаляются в глубину сцены.

Будто очнувшись от тяжелого сна, Хозяйка озирается, платок и пальто Фриды, трубку Диего заботливо кладет в ящик стола. Затем сразу вдруг стареет, обессилено опускается на стул.

(*Тонем плакальщицы*). Она жила умирая. А желание кремироваться объяснила со свойственной ей самоиронией. Она, видите ли, устала лежать на спине и ужасалась, что и на том свете останется в той же позе. Она смогла на последней странице дневника нарисовать черного ангела и написать: «Я надеюсь, что уход радостен и я надеюсь, что никогда не вернусь обратно...»...

Запахавшись, вбегает Фрида, с развевающимися волосами, жизнерадостная — влюбленная в жизнь Фрида.

ФРИДА. Не успела я и шагу ступить, как ты принялась за свои причитания.

ХОЗЯЙКА (*сразу воспрянув, поэтому и с укором*). Нет, от тебя не отделаешься...

(*Больше не скрывая радости*.) А говорила, что больше не вернешься?!..

ФРИДА. Не хочу, чтоб и эта наша встреча закончилась грустно. Помнишь мою последнюю картину?.. Помнишь, что было написано на ярко-алой дольке арбуза: VIVA LA VIDA! (*Подходит, искренне ее обнимает*.) Я бы не смогла выдумать свою жизнь, не будь моих картин. За это я и благодарна жизни. Слышишь, моя ворчливая старушка, да, благодарна ее правде и кривде, жизни, пропитанной отравой и внушающей уважение...

ХОЗЯЙКА. Знаю. Знаю и то, что ты сейчас хочешь. Хочешь танцевать. Танцевать так, как танцевала Фрида, неисправимая, неповторимая Фрида.

Звучит зажигательная мелодия. Фрида снимает туфли, забрасывает за кулисы.

ФРИДА. Наконец-то! Наконец-то ты поняла! Только запомни, пожалуйста: день еще длится. Слышишь, день еще длится!..

Под звуки громкой музыки Фрида самозабвенно танцует.

Перевела Каринэ ХАЛАТОВА.

*Фрагменты писем Фриды Кало и Диего Ривера:
Хейден Эррера «Viva la vida!»*